

ВЫЗОВ

"Я против моего брата. Я и мой брат против моего соседа. Моя деревня против твоей деревни. Мой город против твоего города. Моя страна против твоей страны."

Пересказ персидской поговорки Толстым Фрэнком

"Если, столкнувшись с неприятностями, человек смажет мочку уха слюной и глубоко выдохнет через нос, он легко справится с ними. Это средство следует держать втайне от других. Более того, если человеку в голову прилила кровь и он смажет слюной верхнюю часть уха, скоро к нему вернется спокойное расположение духа."

Хагакурэ

"Чашку чая?" спросил я непринужденно.

"Да, пожалуйста."

Я сейчас же передал ему чашку чая. Он не оторвал глаз от книги, которую читал.

"Вызов," сказал он как только взял чашку.

"ВЫ ОБА!" закричал Крис. "Я же сказал вам, что игра в "вызов" запрещена в этом доме!"

Это было не хорошо. Мы не могли остановиться. "Вызов" – захватывающая и чертовски простая иранская игра. Каждый раз, получая что-либо из рук другого игрока, вы должны сказать "вызов". Я даю вам ключи от автомобиля – вы должны сказать мне "вызов" когда берете их. Вы вручаете мне газету – я говорю "вызов" когда я беру ее. Между хорошими игроками, то есть одержимыми соперниками, игра может длиться в течении многих лет. Отец Толстого Фрэнка играл в несколько подобных игр с разными людьми. Одна из игр продолжалась в течении семи лет. Семь лет не забывать какое-либо волшебное слово, или семь лет помнить о том, что никогда не брать что-либо от другого игрока? Это все вызывало некоторые последствия – атмосферу напряженности и подозрения, вот только это не было нужно нам в Фуджи Хайтс.

"После месяца или двух это может стать довольно тяжелым," сказал Фрэнк.

"Ты вероятно начнешь избегать меня."

"Как?"

"Ты найдешь способ."

Он улыбнулся безмятежной знающей улыбкой. Черт бы его побрал! Я не хотел быть побежденным в какой то недоделанной иранской домашней игре.

"Возьмите сигару."

"Вызов."

Мы играли в течении недели.

Младший Шиода вел занятие – Шиода Жестокий, Шиода Мелкий, Шиода Ненавистный. Он учил нас всего пару раз и уже все его боялись и не любили. Мы знали, что Чидо Великий не ладил с ним, и с приближающейся смертью Канчо-сенсея, все занимали стороны в финальной "борьбе за наследство". А теперь его сын собирался провести у нас первое занятие хаджиме.

Хаджиме просто означает начинайте на японском, но для сенсусей это слово имеет особенно жуткий оттенок. Тренировка хаджиме представляла собой выполнение техники с максимальной скоростью снова, снова и снова.

Все техники в айкидо выполняются в парах. Когда первая пара заканчивает выполнение, учитель командует хаджиме и все должны начинать снова. Это означает, что самые медленные все больше и больше отстают и не могут извлечь пользу из установленного ритма. Если вы заканчиваете первым, то вам иногда

удается получить микросекунду отдыха между тем, как вы закончили, и когда учитель это заметил. Именно из-за этого и возникала мотивация закончить первым.

Мы все слышали об ужасах тренировок хаджиме – людей рвало, они теряли сознание, изнемогали от перегрева, в общем все то, что предыдущее поколение говорит вам, чтобы напугать.

"Хаджиме", "Хаджиме", "Хаджиме". Двенадцать пар мужчин в додзё бьющих, хватающих, кружащих и выполняющих завершающий технику удар в голову – не стоит даже упоминать о непрекращающихся криках.

Технику, которую Шиода специально подобрал для этой тренировки хаджиме была кататэ мочи шихонаге – наиболее известная нейтрализующая техника в айкидо. Именно ее Крис воспроизводил по книге в Фуджи Хайтс еще до того как мы начали заниматься. У Уэсибы был студент, который практиковался только в шихонаге. Уэсиба сказал "Все айкидо заключено в шихонаге", что мне кажется означает, что все принципы движения тела в айкидо показаны в этой технике.

Базовая форма обманчиво проста. Когда ваше запястье захватывают, вы вместо того чтобы освободиться закрепляете захват в то время как сами ныряете под его руку и поворачиваетесь так, что его рука изгибается ему за плечо. После этого вы можете либо выполнить бросок, либо уложить его на землю. Мы делали самую базовую форму, когда в конце вы кладете партнера на спину.

Шиода спешно продемонстрировал технику на своем помощнике, приведя его вниз на землю с жутким глухим стуком. Помощник выполнил высокое падение с хлопком вытянутой рукой о татами.

Если шихонаге выполняется достаточно быстро, то можно вырубить атакующего, сильно ударив его головой об пол. В додзё обучают специально высокому падению, чтобы можно было скомпенсировать большую часть повреждения техникой. Конечно, Шиода не показал нам важные моменты высокого падения, он нам просто сказал нам приступить к практике.

Практика после одной демонстрации – это старая методика обучения боевым искусствам. Честолюбивый ученик должен был уметь быстро уловить секрет техники, потому что повторения ожидать не приходилось. Уэсиба использовал этот метод: когда он бродил по додзё, он не критиковал студентов, а просто поздравлял их с тем, что у них так хорошо получалось. Шиода младший опустил поздравительную часть. После показа техники он бродил вокруг, насмехаясь над нашими попытками.

Перед началом курса я прошел инструктаж Стива, дружелюбного австралийца, который начинал тот же полицейский курс, что и Пол. После шести недель он бросил курс с опухшими, всеми в синяках, руками и травмами от неправильно выполненного высокого из шихонаге. Я уговорил его научить меня правильному падению и был благодарен ему за то, что обучился до этого занятия с бесконечно повторяющейся техникой.

В то же время я не знал, что единственная недавняя смерть в додзё случилась во время тренировки шихонаге.

Во время занятий на обычном занятии японский студент, женатый человек сорока лет, сообщил учителю о своей головной боли. Учитель сказал ему продолжать тренировку. В конце занятия студент остался на мате. Его партнер выглядел пристыженным и ни один из суровых комментариев со стороны учителя не мог поднять ленивого ученика с мата. Он умер от кровоизлияния в мозг, полученного при ударе затылком о мат во время приведения его к полу.

Реакция его жены по западным стандартам была весьма необычной. Она не выразила ни единой жалобы, только радость от того, что он умер в додзё, "месте, которое он так сильно любил".

После того как мы оттренировали шихонаге в течение какого-то времени, Шиода объявил, что последние двадцать минут мы будем выполнять технику в стиле хаджиме.

Мы начали работать с рвением. Бешеный Пес, как я заметил краем глаза, получал побои от Маленького Ника и его глаза выпучились от бравады Бешеного Пса. Они не только выполняли технику быстро, но еще и старались выполнить ее хорошо. Ничего подобного не пришло в голову Рэму и мне во время нашей работы. Запутавшись в летающих конечностях и резких шлепках на мат, мы торопились, не волнуясь насколько наша техника эффективна.

Я начал уставать. Небрежно уставать. Это такая усталость, когда ты начинаешь чрезвычайно снижать темп, но веришь, что работаешь так же быстро, как и раньше. В прошлом у меня это проявлялось во время бега – ты незаметно

замедляешься до неуклюжей хромоты, но по ощущениям ты все еще прикладываешь усилия. Часы неожиданно приобрели подавляющую важность. Но с моего места, где я находился, моя близорукость превращала циферблат в расплывчатое пятно. Я не хотел щуриться, дабы не злить учителя. Так что мы продолжали пахать, перетаскивая свои конечности словно старые деревянные, хрипя и потев повсюду. Затем прозвучала команда остановиться. Мы все во внимание встали в стойку камаэ: руки перед собой в защитном положении, немного переведя вес на переднюю ногу. Это было начальным и конечным положением для всех техник.

Но эта камаэ отличалась от обычной. Люди дрожали и тряслись в физическом истощении. Пот капал в огромные лужи на полу. Бешеный Пес казалось всхлипывал.

Мы совершили поклон, прошли по стандартному кругу с "оос" и похромали к месту, где хранились метлы. За пределами слышимости преподавателей я дружески хлопнул Бешеного Пса по плечу. Мы были вежливы из-за его слез. Не означало ли это, что он был близок к пределу своих возможностей? "Я лишь сделал все, что должен был сделать," сказал Бешеный Пес, когда просохли его глаза. "Не было ничего больше и мы должны были продолжать. Это чертовски жестоко."

Бешеный Пес занимался айкидо в течении пяти лет, но он был грузен. За первые три месяца курса гражданской полиции он похудел с 92 до 76 килограмм.

После тренировки хаджиме или вообще после занятий этим летом, мы выпивали по 2-3 литра жидкости. Сеншусей любили покупать порошок "Покари Свет" -это подходящее имя носил японский спортивный напиток - и смешивали его с водой из-под крана в двух-литровой бутылке. После очередной тренировки вся жидкость успевала выйти с потом и приходилось снова выпивать следующие три литра. В летней жару люди выпивали и снова теряли с потом около шести литров в день. Уровень мочи сохранялся в норме - все выходило в виде пота.

Когда я был в паре с Сато на тренировке хаджиме, которого я никогда не видел потеющим и чья техника была динамичной и сильной, я сильно переживал, что скоро будет моя очередь потерять сознание. Он продолжал работать без остановки, как машина или неумолимая белка в колесе, а я становился слабее и слабее. Мои удары становились жалкими извинениями за жестокость. Мои легкие разрывались в поисках кислорода.

А затем я увидел это на кончике его носа. Капелька пота. Сато потел. Я торжествовал. Откуда-то взялось второе дыхание. Моя техника выправилась. Теперь я чувствовал, что Сато тоже уставал, меньше чем я, но он прилагал усилия как всякий нормальный человек. В конце занятия Сато выдал мне свой обычный отрывистый поклон. Потом он улыбнулся, вытирая пот с кончика своего носа.

Мелочные, продолжительные споры стали возникать в Фуджи Хайтс. Я взялся за хранение бутылки виски в аквариуме Канчо, стараясь использовать часть пространства квартиры, которое и без того было занято. Фрэнк считал это антисанитарным, но я относил это на счет исламского предвзятого отношения к алкоголю. Крис оставался надменно выше этого спора, но все еще был категорически против нехватки уважения, которое сэншусэй выказывали к обычным ученикам. "Вы чертовски грубы," говорил Крис. "И это не значит, что ваше айкидо будет хорошим в любом случае."

Возможно он надеялся на гневное отрицание. Когда приходил Бен обычно чтобы стричь наши волосы машинкой для стрижки, я заполучал союзника. Тогда мы могли сказать, "Парни, вы просто не понимаете. Только люди на курсе могут понять."

Мы были особенными, черт возьми, и мы не собирались позволять кому то забывать об этом. Для разделения на индивидуальности, мы в Фуджи Хайтс разделились на три различные семейные роли. Крис был мамой, заботясь о травмах и готовя прекрасную и здоровую пищу. Толстый Фрэнк был папой, отчитывая меня за то что я не помогаю Крису мыть посуду, чего, однако, и сам не делал. Я был подростком: рассеянным, ленивым, эгоистичным, чрезвычайно недооцененный и, как подросток, я понимал, что пора было завести себе подругу.

Не то чтобы у меня было много энергии для изощренных сексуальных уловок или даже для более простых уловок, так или иначе непрерывные тренировки загубили мою сексуальную активность до минимума, необходимого для выживания.

Викторианский уклон на спорт, держащий ум молодого человека вдали от секса был доказанной стратегией. В течении многих месяцев я едва думал о женщинах. Возможно, на меня влияла теплая погода, но все больше и больше теперь я видел

преимущество борьбы с девочкой, а не с потным израильским парашютистом или японским гражданским полицейским.

Теоретически не было никакой нехватки женщин. Элементарное благоразумие держало меня подальше от девочек в средней школе, которых я обучал. Нерегулярно вечерами я так же подрабатывал в одной из многих ветхих речевых школ в Токио. Непрерывный поток офисных цветков, привлекательных конторских служащих женщин, были как на ладони на моих занятиях. Я наблюдал за другими преподавателями, выбирающих себе пару в своих студентах с чрезвычайной непринужденностью. В одной из школ преподаватели шатались по лестницам, ожидая самых привлекательных студентов, чтобы покинуть это заведение. Возможно, это внесло свой вклад в недавнее банкротство школы. Привлекательные мужчины, выглядящие молодо и белокуро, пользовались самым большим спросом. В одном из университетов сексуальная двадцатидвухлетняя девица вручила свой телефонный номер преподавателю, которого я знал, с прямым предложением: "Вы, я, поиграем. ОК?"

Я не был одним из тех удачливых мужчин, которых японское женское население преследовало с явной жадой. Я не казался единственным для тех, кому нравился, как, например, сумасшедшей, которая, когда я отказал ей, грозилась догнать меня на своем BMW 7 серии. В лучшем случае я был вялым Ромео, которому не хватало бесстрашных глаз продавца и брутального безразличия к отказу, что, как уверял меня Патрик, было необходимым для сексуального успеха.

Патрику было тридцать и он был женат на японке двадцати двух лет. Они жили в квартире с уборной, которая была посвящена пивным банкам. Если быть точным там было одна тысяча сорок семь банок. Он медленно превращал это в святыню, посвященную всему тому пиву, которое он выпил. Три стены были заставлены банками, выставленными от пола до потолка, и теперь он заставлял четвертую. Я задавался вопросом, что он будет делать когда место у последней стены в туалете кончится.

Патрик был чрезвычайно непринужденным. Он говорил настолько медленно по-английски и столь низким голосом, что я решил по началу, что это было следствием какого то дефекта речи. Позже я понял, что на это повлияли все те годы, которые он потратил преподавая английский в Японии. Его собственный японский был жалок, его жена упрекала его в этом. "Это смущает по началу," объяснял он, "быть не способным говорить с родней жены. Но после двух лет это прекрасно. Трудность просто уходит."

Патрик был высок и похож на молодого и небритого Роджера Мура, как если бы Роджер Мур учился бы в художественной школе. Он был наружностью похож на поп-звезд, рассуждающих в первоклассной гостиной о том, что кто то круче чем они, считая данный разговор ценным. Он был успешным преподавателем, потому что все обожали его. Он заставлял вас почувствовать себя спокойным и, так как большинство японцев были легковозбудимы, его весьма ценили.

Он был трогательно сентиментален к тому же. "Роб," говорил он, "ты мой помощник, мой помощник. Мы должны пропустить немного пива вместе. Мы не должны потерять контакт."

Советом Патрика было поручить кому то устроить свидание для меня. "У моей жены масса друзей," сказал он. "И омиай, знакомство-сватовство, является типичным японским путем." Я был не слишком уверен относительно друзей жены Патрика, поэтому оставил этот вопрос открытым.

Из всех "посторонних" людей, которые не обучались либо не преподавали на курсе, я обнаружил наиболее легкими для себя разговоры с Нонака сэнсей, шестидесятипятилетней учительнице в средней школе. Я стал делить с ней свой завтрак среди картотечных блоков и металлических столов учительской. Она была впечатлена тем, что я практиковал айкидо, но вы должны были быть осторожны с Нонака сэнсей, потому как у нее был весьма богатый опыт по части лести. В конце концов я изучил своего рода шифр, зная что она имела в виду, что нужно принять к сведению, а что было просто умасливанием собеседника. "У меня есть ученица, которая занимается айкидо. Она самая превосходная ученица. Я знаю, что ее занятия не столь энергичны как у сэншусей, но это также айкидо. Многие иностранцы желают изучить японские дисциплины, иногда они добиваются даже большего успеха, чем японцы!"

Я попробовал однажды задать Нонака сэнсей вопрос о войне, но она, отстранившись, лишь сказала "прошлое прошло". Затем она улыбнулась сладко и налила мне другую чашку зеленого чая. Позже я узнал, что ее родной дом

бомбили во время войны и что она потеряла двух братьев тогда. Нонака сэнсей больше интересовалась разговорами о настоящем и будущем. Когда я жаловался ей на свои травмы о курса сэншусей она говорила: "Вы должны быть сильным!", после она передавала мне несколько пакетов фруктов, шоколадный пирог и японские закуски, которые должны были помочь мне стать более сильным. Иногда ее великодушные могло одолевать. Она знала, что у меня не было подруги, и она пробовала свести меня с молодой японской учительницей в школе. Это было обреченным с самого начала, мисс Ёшида была достаточно приятным существом, но в действительности не была моим типом вообще, точно так же как и я не был ее типом мужчины. Ее увлечением было изучение английского, моим увлечением это не было; она любила теннис, но я не любил; ее отец был выдающимся дантистом и ее рот был полон того, что казалось золотыми экспериментами. Мисс Ёшида провела со мной множество тягостных завтраков, пока Нонака сэнсей оставляла нас наедине, занимаясь чаем. Мисс Ёшида упрекнула меня за то, что я носил плащ с порванным эполетом и затем предложила исправить это для меня. Это зашло слишком далеко. Я сказал Нонака сэнсей настолько вежливо, насколько был способен, что ничего не выйдет. "Конечно, я знаю," сказала она, ее глаза весело светились. "Мисс Ёшида ... белый слон!"

Стол г-на Вада стоял рядом с моим и когда у него не было каких-нибудь сигарет типа Вирджиния Слимс, он предлагал мне леденцы. Я никогда не видел, чтобы он кушал в школе, за исключением леденцов, он никогда не ходил в школьную столовую.

Г-н Вада сказал мне, что у него никогда не было подруги.

"Никогда?"

"К сожалению я живу с родителями. Но я хотел бы иметь подругу. У вас есть девушка?"

"Да," солгал я, чувствуя, что это был тот самый ответ, который он хотел услышать.

"Она японка?"

"Да."

"Я могу спросить у вас, как ее зовут?"

"Джунко." Я назвал довольно распространенное имя.

Он на мгновение задумался.

"Мою кузину зовут Джунко."

"Правда?" спросил я. "Ну, я не думаю, что это ваша кузина."

Его лицо омрачилось в замешательстве.

"Трудно заполучить подругу в Японии," сказал он.

Возможно он был прав. Так или иначе у меня были более серьезные вещи для размышления, например, я все еще не был способен на высокое падение. Я всегда ненавидел кувырки вперед, даже будучи ребенком. Это было одной из причин, почему я не пошел в дзюдо, и вместе со стойкой на руках, они входили в число ненавистных мне гимнастических упражнений. Желание перевернуть тело вверх тормашками мне казалось слишком неестественным. Что для меня было естественным, так это желание защитить голову, не подвергая ее опасности посредством выполнения противоречащих гравитации маневров.

Но в айкидо кувырков вперед избежать невозможно. И после того как ты станешь экспертом в кувырках, ты должен дойти до варианта "высокого падения". Это аналогично кувырку вперед за исключением того, что в начале тебе не нужно использовать руки (или руку) для приземления. Ты бросаешь тело вперед, переворачиваешься в воздухе и приземляешься на одну половину спины и плечо. "Это как большой банан, падающий на пол" – сказал Пол, и я представил огромные желтые надувные бананы, которыми английские футбольные фанаты размахивали на трибунах.

Вместо большого банана, я чувствовал себя больше похожим на кирпичную башню, переворачивающую себя, с грохотом обрушивающуюся на землю и поднимающую тучу пыли. Когда спина ударяется о землю, одну руку нужно вытянуть и шлепнуть по мату для сокращения удара тела. Эффективность шлепка полностью зависела от его своевременности, а у меня как раз с этим было плохо.

Высокое – один из ключевых моментов в айкидо Ёшинкан. Иногда, когда тебя бросают слишком жестко и слишком быстро, нет времени сделать безопасный прямой кувырок. А в некоторых техниках, в бросках за запястье, например, если ты не сделаешь высокого, твое запястье или предплечье или ключица будут сломаны.

У Торчка, большого неуклюжего полицейского с тоскливым выражением лица, чьи одеревенелые и упертые движения обеспечивали разнообразные насмешки учителей и коллег-иностранцев, были реальные проблемы с кувытками. Он переворачивался и обрушивался вниз так, что весь пружинный пол додзё начинал вибрировать. Смотреть на это было больно.

Сакума и Бэн тоже переживали трудности, но когда дело касалось высоких падений, я был наибольшим болваном в группе.

Я не мог понять смысл высокого. Я мог выполнить его один раз, но и тот получался несуразно деревянным, слишком быстрым и отдавался дикой болью в теле, когда я ударялся об мат. Я застрял в черной полосе. Из-за того, что мне не нравились высокие, я делал их слишком быстро, что нарушало своевременность шлепка рукой и падения. Из-за того, что я боялся быть в положении вверх тормашками, я старался нырять как можно ближе к мату. Иногда возникало ощущение, словно я пытался нырнуть под мат. Но чем ближе ты к мату, тем сложнее безопасно приземлиться. Казалось совершенно несправедливым то, что правильное решение шло против интуиции, то есть что для безопасности нужно было быть как можно выше над полом. Что касалось меня, то я часто оказывался настолько близко к нему, что мог почувствовать, как мои волосы задевают мат во время переворота. Неприятная мысль – а что если бы моя голова оказалась на несколько сантиметров ниже? Она могла бы застрять и совсем оторваться. Думать об этом мне не нравилось, но это было необходимо. Невозможно было избежать падений, потому что все новые сложные техники требовали высокого падения для избежания броска. Именно высокое давало айкидо гимнастическую привлекательность. Благодаря высокому айкидо выглядело сложным по простой причине – высокое было сложным. С первого дня я понимал, что это будет проблемой. Моей собственной маленькой проблемой. Моим крестом. Моей ношей. Было странно насколько быстро я понимал, смогу ли я выполнить какую-то технику еще до того, как попробовал бы. Всего лишь наблюдая, как другие выполняют техники на коленях, я знал, что они не будут представлять никаких проблем. Да, я думал, что смогу их сделать.

Но с высокими было по-другому. И чем больше меня обхаживали, советовали, ругали, орали, тем хуже становилось. С увеличением у меня количества синяков и побоев, которым я подвергался, я начал терять способность сделать приличным образом хотя бы простой кувырок вперед и его старшего брата ныряющий кувырок вперед.

Проблемы начались с Оямады. ... Он был единственным учителем, который не прошел через программу сеншусей. Некоторые говорили, что именно это сделало его таким жестким по отношению к сеншусей. Конечно его занятия были образцом скуки, его любимым методом обучения были повторения до тех пор пока не пройдут полчаса.

Оямада выстроил нас вдоль основной стены додзё и приказал делать непрерывные кувырки вперед до противоположной стены. А потом обратно. И снова обратно. По началу было весело. Приятный перерыв среди тяжелого физического истощения, но потом стало очевидно, что он собирался продержаться на этом упражнении до конца занятия.

Через десять минут я был покрыт серьезными синяками на костных шишках, кончиках подвздошных костей, которые немного выдаются с каждой стороны от поясничной позвонка, немного над ягодицами. За следующие одиннадцать месяцев эти синяки не сходили ни разу. На косточках слоями вырос кальций, что только ухудшило ситуацию. Иногда они отекали, иногда казалось что они исчезли и потом, когда ты падал на одну из них, то понимал, что все на месте.

Уилл окрестил их "шишечками" и имя прилипло. Это была травма специфичная для студентов курса сеншусей – рожденная в комбинации твердых матов и чрезмерных тренировок – и нечто совершенно непонятное для обычных студентов. Как нашивка за ранение или Пурпурное Сердце, это можно было получить, только вступив в бой.

У некоторых шишечки были настолько болезненными, что им приходилось прибегать к акупунктуре, чтобы избавиться от боли, другие же изобретали забавные и в целом опасные техники падения в отчаянной попытке приземлиться на что угодно, кроме двух чувствительных мест.

"Ты должен быть осторожнее, – сказал Пол, – потому что иногда кость может получить заражение."

Зараженные шишечки! Что могло быть хуже? В нашей тесной вселенной из четырех стен и сотни твердых матов я не смог представить ничего хуже зараженной шишечки.

Оямада был рабом болезненных падений, но Роберт Мастард был тем, кто привел меня к окончательной потере понимания о том, как сделать высокое легко и грациозно.

"Так, ребята, несите маты."

Мы бежали в угол додзё, подбирали два матрасо-подобных мата, которые предназначались для обучения высоким падениям.

Мы выстраивались и Мастард или Толстяк хватала тебя за руку и ты должен был сделать высокое. "Хорошо. Хорошо. Хорошо. Плохо." – в процессе комментировал Мастард. Для меня всегда было "Плохо". Возможно это был его способ ободрения для меня. Но эффект был противоположным. Я начинал мечтать о магических словах: "Хорошо, ребята, несите маты на место".

Мы постепенно привыкли к броскам и однажды днем Мастард сказал "Давайте повеселимся".

Он взял дзё с полки на стене, где находились деревянные мечи и ножи. Джо – это палка из твердого дерева, примерно таких же габаритов, как и толстая палка для швабры. Полицейские в аэропорте Нарита вооружены дзё, многоцелевым инструментом для фехтования, дубинкой и жуткой колющей палкой, хотя я заметил, что они еще имеют при себе пистолеты.

Мастард стоял на мате и приказал первому ученику схватить конец дзё. Затем он дернул дзё вверх и вперед, чтобы выполнить бросок. Отпуская хват ученик перевернулся в воздухе и приземлился на мягкий мат.

Я ожидал проблему на этапе отпускания захвата. Если это сделать слишком рано, то будет видно, что хват несерьезный. Если слишком поздно, то у меня не будет свободной руки для компенсации падения.

В итоге я настолько сконцентрировался на палке, что мое высокое оказалось недоделанным и безжизненным. Я зацепился головой за мат в момент переворота. Послышался тошнотворный хруст в моей шее, которая свернулась набок. На секунду меня покинуло сознание. Потом я понял, что должен встать. На трясущихся коленях я вернулся в очередь выполняющих падение.

"Сломаешь шею и вылетишь с курса!" проорал Мастард с места, что он занимал с дзё. Затем он подошел ко мне и поднял палец.

- Сколько пальцев?

- Один.

- Ты в порядке, – сказал он.

Я не чувствовал, что был в порядке. Я порвал шейную мышцу. Что было еще хуже моя уверенность упала ниже обычного.

"Ты подпрыгнул как раз на макушке головы, – прошептал Адам из очереди, – Это выглядело несколько жутко."

Я был рад, что Мастард сказал нам убрать маты до того, как до меня снова дошла очередь. Это было хорошо, потому что я начинал думать, что он дожидался меня. Когда он объявил, что едет домой в Канаду, я немного надеялся, что он не вернется.

С ныряющими падениями мне повезло больше. Четыре или пять людей пригибались, сидя рядом, и ты должен был бежать и нырять через них. Это был сложный трюк, и даже чудотворец Сато однажды свалился на последнего сидящего. Я видел его трясущуюся в неверии голову, когда он поднимался на ноги.

Моя техника заключалась в том, чтобы бежать как при пожаре, издать воинственный клич и надеяться, что последний пригнувшийся не будет возражать, когда я свалюсь ему на спину. Но даже я иногда умудрялся обходить препятствия.

Я постоянно чувствовал себя побитым, но пока не получил ни одной травмы. Кроме Хромого с его локтем, полицейские тоже выдерживали чистый лист по части здоровья, то же самое касалось других иностранных сеншусей.

Первым человеком, получившим перелом был Дэнни, это случилось во время занятия, на котором мы постоянно делали высокое. Он неловко приземлился и сломал палец на ноге, маленькая но болезненная косточка для перелома.

По дороге в додзё в то утро я успел попасть в небольшую аварию, врезавшись на велосипеде в скутер, что было неким предупреждением, что дальше дела пойдут хуже.

С тех пор как перед курсом я перечитал военные мемуары Роберта Грэйвса, чтобы не выпускать ничего из виду я начал твердо верить в выполнение

своеобразных ритуалов для отражения зла. В одном случае из книги солдат делает наглый комментарий и все "стучат по дереву", за исключением бедняги, который был убит.

Я объяснял себе и другим, что стук по дереву просто концентрирует сознание на потенциальной угрозе и по сути всего лишь является техникой для повышения осознанности. На чисто психологическом уровне я обнаружил, что стук по дереву разряжает тревожное состояние о том, что я предсказал или сказал, не подумав. Если такой тревоге позволить себя терзать, я полагал, что могу пострадать от болезненного исполнения желания, исполнения желания о смерти, если хотите.

Но суеверие могло пойти слишком далеко и я начинал раздавать крепкие шлепки придорожным деревьям, проезжая мимо них на велосипеде.

После моего едва не произошедшего дорожного происшествия на велосипеде, у меня сохранилось ощущение беспокойства. Я подъехал к додзё и немедленно постучал по деревянному столбу ограды. Я услышал шаги и посмотрел по сторонам, чтобы увидеть не заметил ли кто меня. Это был Бэн. Не страшно, я признался в своей слабости Бэну.

"Нам надо быть поосторожнее сегодня, - сказал я. - У меня плохое предчувствие и мы сегодня делаем котегаеши.

В этой технике кисть атакующего заламывается назад за предплечье в сторону, а не за плечо. Если продолжать заламывать чью-то кисть таким образом, то запястье в конце концов сломается, если атакующий на этом этапе превращающийся в защищающегося не выполнит высокое падение. Таким образом, рука раскручивается и человек остается на спине на полу.

На первом занятии я практически забыл собственный совет действовать аккуратно, когда услышал сдавленный крик со стороны, где тренировался Бэн и Дэнни. Я огляделся. Дэнни лежал на полу. Пытаясь не упасть на "шишечку", он зацепился пальцем ноги за свою брючину. Его быстро отнесли в сторону. Пол сказал нам продолжать тренировку. Я услышал, как он говорил, стоя в стороне: "Я вправлю без проблем - это не перелом, просто вывих".

Бэн умудрился убедить Пола позволить ему отвезти Дэнни к доктору до попытки применения такой решительной меры самолечения. Пол все еще убежденный, что перелома нет, с неохотой удержал себя от вправления кости в сустав. Он согласился, что они должны отправиться в хирургию, располагавшуюся непосредственно возле додзё. Мне это показалось немного жутким и в то же время по своему обнадеживающим. К счастью у Дэнни была медицинская страховка.

Дэнни вернулся в додзё позже в тот же день. Его палец был поломан под прямым углом. Если бы Пол пробовал вправить палец, он вероятно вырвал бы ему палец напроць. Бэн, который все еще свято верил в учителей и его вера простиралась за пределы их узкой специализации, которую они демонстрировали как эксперты, был потрясен этим случайным и небрежным обращением с Дэнни.

- Это всего лишь палец, - сказал я, - Это не вопрос жизни и смерти или что-то в этом роде.

- Если бы это было что-то более серьезное, я бы еще больше волновался. Это показывает, что им все равно, - горячился Бэн, - Я тебе говорю: если со мной что случится, держи меня подальше от учителей - просто отведи меня сразу в больницу. Я даже не уверен в той хирургии рядом с нами.

Дэнни сказал мне несколькими неделями раньше, что не смог попасть в австралийскую авиационную спецслужбу из-за того, что растянул коленную связку, тренируясь к тесту. Я проследил картину. Дэнни мог бы травмироваться, чтобы был повод не заканчивать курс.

Когда ему помогали взобраться на велосипед (на котором он поехал, крутя лишь одну педаль), он сказал печально "Ребята, завтра вы меня можете не увидеть".

"Вы не должны грустить," сказала Нонака сэнсей. "Вы всегда должны держать в голове какой-нибудь счастливый момент, и когда вы начинаете грустить должны думать об этом моменте." Я сказал ей, что курс угнетает меня. "Это ваш выбор," ответила она. Когда в учительской было пусто, она иногда брала мою руку и, играла, насмехаясь надо мной, своим большим пальцем придавливая мой. Однако это было трудно, когда я пробовал бороться с ее большим пальцем, она всегда побеждала меня, ее большой палец всегда прижимал мой, порхая весьма и весьма быстро, словно птица. Она никогда не проигрывала. "Теперь вы угнетены!" говорила она, когда побеждала. Факт быть побежденным, борясь большими пальцами с шестидесятипятилетней женщиной, весьма ободрял меня. Она

всегда ликовала, побеждая: "Почему я побеждаю? Несомненно потому, что вы слишком много думаете. Вы слишком интеллектуальны, чтобы победить меня!"

Стив, австралиец, который ушел с курса год назад, вернулся в город. Он зашел к нам на Фуджи Хайтс и рассказал о геологическом обзоре, которым он занимался в Лаосе. Его рассказ звучал увлекательно, в миллион раз соблазнительнее, чем клаустрофобия додзё.

- У тебя получается лучше, чем я ожидал, - сказал он в своем грубом, но все же дружественном тоне.

- Спасибо, - ответил я.

- Но ты все равно бросишь, не окончив, - сказал он, делая глоток чая.

- Почему? - я был действительно шокирован.

- Потому что я бросил.

Значит, подумал я, это Вызов.

Несмотря на свое грустное прощание, Дэнни пришел на следующий день. Он прохромал в офис додзё и проинформировал миниатюрного Андо-сенсея о сломанном пальце. Выражая прозаичное сочувствие Андо дал ему две недели на выздоровление. Конечно, он все равно должен продолжать приходить в додзё, но сидеть в кресле и наблюдать каждую тренировку.

Для сенсусей давалось мало времени на выздоровление. Как только травма заживала, ты сразу возвращался. Если доктор прописывал перерыв на месяц, то учитель в додзё давал перерыв на неделю, или иногда поощрял тренировки с травмами. Чем больше перерыв ты брал, тем больше ты отставал и тем больше была вероятность повторной травмы при возвращении к занятиям. И если ты мог хоть как-то ходить, то тебе нужно было каждый день появляться в додзё и наблюдать все тренировки. Если травмирована была верхняя часть тела, то нужно было сидеть в сейдза каждую тренировку. Это четыре с половиной часа сейдза каждый день, достаточно, что само по себе достаточно, чтобы дать тебе травму.

Если травмирована была нижняя часть тела, то сейдза не требовалась, но был специальный способ сидения на кресле для сенсусей (спина прямо, ступни вместе - не перекрещены и ровно расположены на полу) и этот способ сидения не способствовал восстановлению сил.

Жесткая политика по травмам сенсусей была еще одним традиционным способом "развивать дух". Идея заключалась в том, чтобы создать бойцов, которые могли бы исполнить долг вне зависимости от состояния тела. Целью было сломать субъективную связь между тем как ты себя ощущаешь и как действуешь. Более того ее нужно было подменить на определенную цель и достижение этой цели, используя тело, вместо того, чтобы позволить телу диктовать, какой должна быть цель. Если вы идете спать, когда ваше тело чувствует усталость; едите, когда чувствуете голод; или деретесь, когда чувствуете злость, ваше тело диктует цель, а не наоборот.

Когда мы начинали курс, Толстяк спросил каждого из сенсусей о прошлых травмах. Многие это восприняли как возможность "похвастаться шрамами", Адам со всеми его многочисленными признаками бурной молодости, проведенной на скейтборде, выдал все. Только Рэм спросил причину вопроса. "Для того, чтобы учителя знали, где могут быть ваши слабые стороны и в чем могут быть ваши ограничения, и как далеко они могут вас подтолкнуть" - был ответ. Неспособность Адама сидеть спокойно была отчасти санкционирована его балладой о переломе колена в пятнадцатилетнем возрасте. Рэм сказал: "Что касается этого курса, у меня нет старых травм, о которых я мог бы рассказать". Теперь я понимал, что это была лучшая политика, признание старых травм всегда было путем для отступления. Рэм себе его не позволил.

Я переживал определенный упадок. Излишняя дисциплина в обучении не относилась к нашей квартире. Когда я не спорил или не играл в "вызов", я тратил много времени на сон. Даже когда мы брали в прокат видео, я часто засыпал на середине фильма. Повторно смотря какое-то кино с участием Стивена Сигала я сказал: "Следующий удар бал действительно хорош..." Затем я начал храпеть - даже хорошие удары не могли удержать меня ото сна.

Толстый Фрэнк и Крис все так же тренировались каждый день в додзё и медленно продвигались по пути к черному поясу. Если они продолжают регулярные "кеншу", интенсивные, регулярные тренировки на дневных занятиях, они могли бы сдавать тест на черный пояс в то же время, что и сенсусей.

"Будет интересно посмотреть, чье айкидо лучше, – посмеивался Крис. – Я все еще не очень уверен, что ваш курс имеет отношение к айкидо, больше похоже на грубый обряд инициации или просто курс выживания."

У Толстого Фрэнка мнение было выше. "Не думаю, что я бы смог мириться с дерьмом так, как это делаете вы, ребята".

Толстый Фрэнк все еще не нашел работы и проводил много времени за стиркой доги и одежды в стиральной машинке. В один день случилась небольшая трагедия, когда его особенные иранские трусы были украдены с веревки для сушки белья. Мы догадались, что их украли, потому что внезапно в квартире загорелся свет. Когда огромные коричневые эластичные трусы, сшитые его матерью, сушились на веревке они загорали весь свет поступающий в квартиру через кухонное окно. Я привык к темноте. Когда свет неожиданно появился, я помчался узнать, что случилось. Гигантских трусов как не бывало, как собственно пропал и след вора. Возможно причудливый порыв ветра сорвал огромный трепещущий кусок материи с веревки. И кроме того воровство трусов довольно распространено среди японских женщин. Я посчитал непостижимым причину того, что кто-то мог захотеть обладать такой жуткой огромной парой коричневого иранского нижнего белья.

Крис выразился довольно нетактично по поводу этого происшествия. "По крайней мере теперь я могу читать, не включая свет", – сказал он.

Несмотря на то, что Крис вел себя как наша "мамочка" Крис был основным кормильцем в Фуджи Хайтс... Он решил забросить рискованный шоу-бизнес и теперь проводил долгие часы в Митсубиси, Иточу и Митсуи, обучая высокооплачиваемых интеллектуалов. В этих компаниях Крис получил работу, подготавливая тех особенных людей, которые получили продвижение по службе, за рубеж и считал это более достойным, чем обычное обучение английскому.

Работу он получил через Патрика. Когда бы мы не встретились, он спрашивал меня "Ну и что это за штука такая, айкидо?", тогда я показывал ему несколько приемов и он говорил "очень хорошо, очень хорошо – в теории. Но что же делать в реальной драке?"

Непосвященные всегда вели себя одинаково. Они хотели знать можешь ли ты "сделать" Майка Тайсона, если он не так посмотрит на тебя в паре. Иногда я объяснял в чем ошибка этого вопроса в целом. Иногда просто говорил: "Возможно, я не смогу сделать его, но могу выдержать приличное количество ударов".